

Игнатий Потапенко

Героиня

Записки старого студента

Игнатий Потапенко
Героиня

«Public Domain»

1899

Потапенко И. Н.

Героиня / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1899 — (Записки старого студента)

"В Москве, на Арбате, ещё до сих пор стоит портерная, в которой, в не так давно ещё минувшие времена, часто собиралась молодёжь и проводила долгие вечера с кружкой пива. Теперь она значительно изменила свой вид, несколько расширилась, с улицы покрасили её в голубой цвет..."

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Игнатий Николаевич Потапенко

Героиня

I

В Москве, на Арбате, ещё до сих пор стоит портерная, в которой, в не так давно ещё минувшие времена, часто собиралась молодёжь и проводила долгие вечера с кружкой пива.

Теперь она значительно изменила свой вид, несколько расширилась, с улицы покрасили её в голубой цвет, в окнах, вместо прежних многочисленных неровных и тусклых стёкол, появились огромные зеркальные, и на вывеске она уже больше не называется портерной, а носит громкое название ресторации; но когда какой-нибудь из прежних её посетителей случайно попадёт в эти места, то всегда начинает тревожно оглядываться, как бы чувствуя, что здесь должно быть что-то близкое, и начинает искать глазами, и если взгляд его остановится на зеркальных окнах и новой вывеске, то он скоро припоминает старую портерную и всё то, что в ней происходило.

Здесь почти каждый вечер, за большим круглым столом, собиралось общество. Всё это была молодёжь, большею частью плохо одетая; слышались громкие, звонкие голоса, непринуждённые речи, весёлые шутки и смех, а подчас раздавались горячие споры, затягивавшиеся долго-долго за полночь. Иногда здесь обсуждались и важные товарищеские вопросы, и из портерной по временам выносились решения, имевшие глубокое значение в жизни молодёжи. А запивалось всё это дешёвым и довольно скверным пивом, стоившим для всей остальной публики по пятаку за кружку, а студентам уступавшимся по три копейки.

Среди молодых лиц можно было заметить высокую худощавую фигуру, с бледным, вытянутым и как бы несколько удивлённым лицом, на котором росла скудная борода, на половину седая, с жиденькими волосами на голове, с меланхолическим, тусклым взглядом.

Он носил, обыкновенно, крылатую, широкую накидку, а под нею короткий пиджак, узкие штаны и цветные рубахи с мягкими не крахмальными воротниками. В портерной появлялся он обыкновенно рано, часто – когда никого ещё не было в ней, и терпеливо дожидался, сидя в углу за уединённым столиком; а когда собиралось обычное общество, он с чрезвычайно скромным видом присаживался к столу, молча подавал всем руку и смотрел на всех исподлобья, почти недружелюбно. Но это была только манера, которою, может быть, он хотел выразить особую серьёзность, и ему недолго удавалось выдерживать её. Уже после четвёртой кружки взгляд его оживлялся, лицо становилось добродушным, и он начинал говорить слова. Слова эти не отличались глубоким смыслом и были почти всегда одни и те же, но произносил он их с горячностью, с задором и этим всех подкупал, так как горячность и задор были основными качествами молодого общества.

– Эх, молодёжь, – восклицал он, стуча по столу, – люблю я молодёжь, кажись, всю бы жизнь среди вас просидел!

– Да что же вам мешает? – спрашивали его полушутя.

– Что мешает? Дела...

– Какие у вас дела?

– Разные дела... Э, да стоит ли говорить о делах, когда с вами так хорошо! Эх, молодёжь! что может быть лучше молодёжи!

У него бывали деньги, но нечасто, и никто не видал, чтоб их у него было много. Иногда, когда, уже далеко за полночь, все уставали и начинали потягиваться и позёвывать, а затем собирались по домам, он вынимал кошелёк и говорил:

– Нет, братцы, не платите. Позвольте мне сегодня; сегодня моя очередь!

И он, действительно, платил за всех.

Но гораздо чаще случалось, что его кошелёк был пуст, и тогда он, нисколько не стесняясь и не видя в этом ничего для себя позорного, прямо заявлял:

– Ну, братцы, у меня нынче ни гроша нет, плати за меня кто-нибудь!

И все находили это в порядке вещей и платили за него.

Звали его Леонтием Степановичем Кожевкиным. Роль этого человека не ограничивалась постоянным посещением портерной: он являлся всюду, где только бывали студенты. Он приходил в университет, слонялся по коридорам (в те времена это дозволялось), заходил и в аудитории.

Слушая лекции, он не слишком интересовался ими. По крайней мере ни из чего не было видно, чтобы хоть одна из них произвела на него впечатление. Казалось, что он находил удовольствие в том, чтобы сидеть на студенческой скамье рядом с молодыми людьми и смотреть, как профессор с кафедры что-то старается им втолковать.

Его видели в аудиториях разных факультетов. Не задаваясь никакими задними мыслями, он свободно переходил от химии к греческому языку, от истории к астрономии, с одинаковым почтением относясь ко всем наукам и одинаково ничего в них не понимая. Он просто любил тереться среди молодёжи, и в те часы, когда он сидел в аудитории, лицо его становилось необыкновенно серьёзным и на нём выражалось сознание всей важности науки, с которой он не имел ничего общего. Во всяком случае, нельзя было сомневаться в том, что он испытывал высокое наслаждение.

Его видели и на сходках. Он, конечно, никогда не говорил и даже, кажется, не слушал то, что говорили другие, а просто толкался в толпе. Это доставляло ему удовольствие.

Наконец, когда общество уже в изрядно весёлом состоянии, – разумеется, в том случае, если у кого-нибудь находились лишние деньги, – из портерной отправлялось искать ночных приключений, вступало в ссоры с полицией и задирало прохожих, Кожевкин обязательно находился здесь и в энергии и задоре нисколько не уступал другим.

Все привыкли к его присутствию и никто никогда не спрашивал о том, кто он такой, какое место занимает в природе. Профессора пригляделись к нему и не удивлялись тому, что постороннее лицо, по возрасту не подходящее под тип студента, часто появляется в числе слушателей. С инспекцией он вежливо здоровался, а служителя смотрели на него как на чудака. Словом, Кожевкин молчаливо был признан всеми в университете.

Никому он не сделал ничего дурного; напротив, всегда готов был услужить и деньгами, когда они у него были, и работой. Если студент жаловался ему, что надо сходить куда-нибудь на дальний конец города, а у него нет времени, Кожевкин, не задумываясь, предлагал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.